

ДОЖИТЬ ДО ПРЕМЬЕРЫ
(вторая редакция)

Комедия в двух актах

Действующие лица:

Вера

Лёша

Катя

Инструктор

Женщина

Первый акт

Однажды партизанке Вере приснилось, что она бабочка: она весело порхала, была счастлива и не знала, что она – партизанка. А проснувшись внезапно, даже удивилась, что она – Вера. И не знала уже: ей ли снилось, что она – бабочка, или бабочке снится, что она – партизанка.

Сцена 1.

Мартовская ночь, тёплая постель. Вера осторожно трясёт мужа.

Вера. Тише. Не храпи. Тише. Повернись на другой бок.

Лёша (*сквозь сон*). Ой.

Вера. Тсссс. Немцы услышат, придут.

Лёша. О-о-ой.

Вера. Не «ой», а не храпи так громко. Всех фашистов разбудил.

Лёша (*зевая*). Да спят твои фашисты.

Вера. Не спят.

Лёша. Спят, дрыхнут, сопят. Крепко. Они устали за день партизан искать, убивать и спят (*зевает*), короче, как убитые.

Вера. Нет. Они рядом.

Лёша. Ё! Ё! Ё! Далеко они. Устали целый день с овчарками бегать.

Вера. Что ты несёшь?

Лёша. Ты в сапогах по лесам и болотам побегай. За овчарками. Знаешь, как ноги за день устают?

Вера. Лёша...

Лёша. И расстреливать в день по десять человек – глаза и руки отнимаются. (*Зевает*).

Вот они и спят без задних ног.

Вера. Дурачок.

Лёша. А утром. Два дома утром сожгли. Сколько им пришлось трудиться: сена натаскать, керосином облить, углы подпалить. Канистры с керосином такие тяжелые. Перетаскивать их туда-сюда. Тяжесть такая. А сейчас март, кругом грязь, скользко...

Вера. Началось!

Лёша. А потом дым-гарь нюхать. Вонь! Убирать, расчищать всё. Ё! Ё! Протоколировать, документировать без выходных и премиальных, как мне спать хочется...

Вера. Какой цинизм. Перевернись на другой бок и спи.

Лёша. Ах, цинизм! Фашистам хорошо. Они спят сладко. А ты меня разбудила. Сколько времени?

Вера. Нечего храпеть.

Лёша. Нечего сказки о войне придумывать.

Вера. Всё. Спи.

Загорается дисплей сотового телефона.

Лёша. Ё! Ё! Ё! Три часа ночи.

Вера. Надоел.

Лёша. А как ты мне надоела.

Вера. Всё. Отбой.

Лёша. Лучше бы нацисты пришли и тебя в гестапо забрали. Научили бы тебя в застенках хорошему воспитанию...

Лёша берёт подушку и уходит в другую комнату.

Сцена 2.

Туманный день. Еще туманнее в кафе от дыма сигарет.

Вера. Сигарета еще одна найдётся?

Катя. Да, бери. Вер, не расстраивайся. (*Ёрзает на стуле*). Ещё не факт, что нас снимут с ролей.

Вера. Не факт? Если повесили приказ, что на наши роли дополнительно назначаются Котикова и Пушкова, то, это значит, что до премьеры мы с тобой не доживём.

Катя. Ещё есть время. Мы докажем, что мы лучше. (*Чешется*). Ой, в солярии новые лампы поставили, ягодички сгорели и чешутся.

Вера. Докажем! Две недели репетируется эта военная пьеса, я каждую ночь мужа бужу, проверяю его и себя, что делать, если фашисты нас обнаружат... Лёша уже привык к моим этим... как их...

Катя. Облавам?

Вера. Да, облавам... А я никак. Мы должны это сыграть. Должны. Надо переходить к более активным действиям. Что ты дома провернула?

Катя. Пока ничего. (*Чешется*).

Вера. Кать, сколько можно тянуть?

Катя. Сколько, сколько... Я не смогла. У тебя хоть муж молодой, богатый и веселый. Посмеется и простит. А у меня родители старые и с юмором у них, как в нашем театре с зарплатой.

Вера. Ай, у тебя всегда отговорки. Лишимся ролей, и тогда контракт с нами не продлят. Придумай хоть что-нибудь, чтобы оправдать свой партизанский образ.

Катя. Придумай? Это я не придумала? Вот вчера я, типа, в танке горела.

Вера. Это в солярии?

Катя. Да!

Вера. А как партизанка оказалась одна в танке?

Катя. Ну... Ну... Да не одна! Попросила подвезти.

Вера. Кого?

Катя. Немцев. Они как раз за город ехали. Прокатились пару километров, я и подорвала всех. Еле живая осталась.

Вера. Какая чушь. Ты так несерьёзна.

Катя. Но попа моя болит серьёзно.

Вера. Не болит, а только чешется.

Катя. Ага! Только! Еще как чешется! Кремик бы сейчас...

Вера. Нам боль душевную придумать надо, обыграть. Понимаешь?

Катя. Понимаю... Вера, хочешь, я на нарах спать буду, как в камере одиночке?

Вера. Хочу. Но этого мало.
Катя. Не в одиночке?
Вера. Да. Надо и чужую реакцию изучать. Ты будешь с родителями в одной комнате спать на полу.
Катя. Почему на полу?
Вера. Пока ты нары сделаешь, нас уже из театра уволят.
Катя. А в моей комнате что будет?
Вера. В ней будет прятаться еврейская семья. Ты дверь зашьешь и шкафом задвинешь. И чтобы из окна никакого света.
Катя. Что же я родителям скажу?
Вера. Правду. Нашу. Реакция будет странная, возможно бурная, но ты должна убедить их. Ты актриса партизанка. И наблюдай за их реакцией...
Катя. Да, по Станиславскому. Ой, мамочки-и...
Вера. Это тебе не одним местом краснеть, здесь талант нужен.
Катя. Как же я с ними в одной комнате?
Вера. Ничего, подвинутся. В детстве так ты любила к родителям в постель залезть?
Катя. Так это в детстве. Ночью страшно было.
Вера. А на войне не страшно?
Катя. Ещё не знаю. Хоть бы психбригаду на меня не вызвали.
Вера. О, точно! Телефон обрубь! Как будто бомбёжка была. И я дома телефон отключу. Только мобильные себе оставим.
Катя. Да, в армии связь нужна.
Вера. Ты переписала у звукаря фонограмму?
Катя. Да, держи. *(Передаёт диск)*. Не одолжишь до зарплаты ещё триста рублей?
Вера. Да, держи. *(Передаёт деньги)*.
Катя. И зачем наш Иваныч спектакль про войну ставит? Нет, чтобы комедии про любовь или мелодрамы про... про...
Вера. ...любовь.
Катя. Ага. А то пьесы про войну меня так выматывают. Так выматывают... Ещё по соку и на фронт?
Вера. Давай. Пол-литра за победу.
Чокаются соком и стоя выпивают.

Сцена 3.

Пустынный тренажерный зал, грустный инструктор по фитнесу слушает романс.

Вера. У вас сегодня аншлаг.
Инструктор. Да, блин. Спасибо, что зашли на огонёк. А то я думал, все меня забыли, не любят...
Вера. Я не за любовью сюда хожу.
Инструктор. Вот так всегда. Я с любовью, блин, улучшаю ваши тела для любви, а любят вас другие.
Вера. Не угадали. У меня другие цели. Можно поставить этот диск, пока я буду на беговой дорожке?
Инструктор. Пожалуйста! *(Меняет диски)*. Что за группа?
Вера. Собачий лай.
Инструктор. Блин, рэп, что ли?
Вера. Настоящий лай. Немецких овчарок.
Звучит лай.
Инструктор. Действительно, гавкают, блин.
Вера. Я побежала.

Инструктор. Не перестарайтесь. За пульсом смотрите, а то собаки вас загонят.

Вера (*в беге*). Хо-о-оро-о-ошо-оо.

Инструктор. И за дыханием следите.

Вера (*в беге*). О-о-отва-а-а-ли-и-те...

Инструктор. Я в детстве хотел иметь собаку. Хорошо вёл себя, убирал за собой. А папаша-придунок купил мне морскую свинку, блин. Да, она мохнатая, как щенок, но не щенок, блин. Я думал, она в натуре морская, взял ее в ванную с собой плавать вместе. Она лапками сучила, скользила по плитке и - бултых. Прошло время. В школе я снова попросил собаку. Даже учился всю четверть на четыре и пять, блин. А мне купили двух поповых хомячков и двух попугайчиков – такие, блин, панкуши с хохолками ирокезами!

Вера. Не-е-е вы-ы-жи-и-или-и?

Инструктор. Да, блин. Погибли смертью храбрых. Подробности нужны?

Вера. Не-е-е-т.

Инструктор. На кой черт мне четыре маленьких уродца, когда мне нужна одна нормальная собака? Я обиделся на взрослых и придумал, что я сам собака. Злой кобель. Я стал заниматься спортом, чтобы в будущем давить всех этих волнистых, пушистых, неформальных ублюдков, блин.

Вера. Пти-и-иче-е-ек?

Инструктор. Нет, всяких отбросов. Я думал пойти в милицию, ОМОН, а меня не взяли, блин. Поступил в институт физической культуры.

Вера. Вы-ы расстро-о-е-е-ены-ы?

Инструктор. Вот еще, блин! У меня теперь хобби. Я подрабатываю на дому.

Вера. Ке-е-е-ем?

Инструктор. Теперь все эти мелкие и слабые пернатые грызуны с хохолками ко мне сами приходят за сильными чувствами. И еще платят мне.

Вера. Ой, больше не могу бежать... Ой... Не поняла вас, за что платят?

Инструктор. За сильные чувства, понимаешь?

Вера. Нет.

Инструктор отключает музыкальный центр.

Инструктор (*заговорицки*). За мучения, блин.

Вера. Вы... как это... садо-мазо?

Инструктор. Нет! Да что вы! Только садо. Давлю, бью, унижаю, пытаю...

Вера. Пытаете?!

Инструктор. Да, пытаю. А что?

Вера. Ничего. То есть это здорово. Даже очень здорово.

Инструктор. У вас глаза засверкали, блин.

Вера. Да-да. Может быть. Идея одна появилась.

Инструктор. Если что, могу помочь.

Вера. А у вас фантазия хорошо работает?

Инструктор. Ну да, блин. А что?

Вера. Фашистом уже были?

Инструктор. Нет... Но пора.

Вера. Замечательно. А что, если я с подругой приду?

Инструктор. Блин. Ну... ладно. Чем больше, тем лучше.

Вера. Телефон запишите свой.

Инструктор. Да, да. (*Пишет*).

Вера. А почему вы сейчас не заведете собаку?

Инструктор. Чтобы ничего не забыть. Вот. (*Отдаёт записку*). Приходите, не пожалеете. Мы с вами... Мы с вами... брызнем страстью, как майонезом... мимо бутерброда.

Вера. Ого, блин.

Сцена 4.

Тёмная комната. Даже чересчур. Вера у зашторенного окна. Входит Лёша.

Лёша. Так. Что за сумраки? Тебе дали роль вампирши?

Вера. Нет, я делаю затемнение на случай авианалёта.

Лёша. Ага, в небе ночные ведьмы.

Вера. Ты правильно мыслишь.

Лёша. И за тебя я сильно волнуюсь к тому же.

Вера. Не надо.

Лёша. По-моему, ты... переигрываешь.

Вера. Я еще не начала даже играть. А еще у нас воду с электричеством будут периодически отключать с 9 вечера до 8 утра.

Лёша. Хорошо ты это придумала: в темноте не мыться.

Вера. И перебои у нас с телефонной линией.

Лёша. Ещё лучше. Знаешь, квартира – это не театр.

Вера. Неужели?

Лёша. Ладно. Я не собираюсь с тобой вести дискуссии. Что на ужин?

Вера. Картошка в мундирах.

Лёша. Чего?

Вера. Того. В наше время это роскошь.

Лёша. Знаешь, Вера, я и так терплю твои партизанские выходки, но если ты еще и кормить меня не будешь...

Вера. Кормить не буду? А чем картошка тебе не угодила? В мундирах!

Лёша. Разве я так мало зарабатываю, чтобы пальцы твоими мундирами пачкать?

Вера. Не гневи Бога.

Лёша. Да что это такое?! Ты пастор или партизанка?

Вера. Партизанка, верующая партизанка.

Лёша. Верующая Вера...

Вера. Вера, верующая в то, что если люди выжили тогда, то и сейчас могут печеную картошку с удовольствием есть. Только не могу я пока понять, как они выжили? Вот в чем дело.

Лёша. Я тоже не могу. Может, тогда успокоимся и в кафе-кафе пойдём?

Вера. Ни за что. Я лучше блокадный Ленинград здесь устройю, чем предам свои идеи.

Лёша. Чушь всё это! Ты не такая великая драматическая актриса и тебе не платят такие гонорары, чтобы ты так всё это переживала, ставила эксперименты на себе, на мне...

Вера. Да, я не великая...

Лёша. Вот и хорошо. Уходи из театра...

Вера. Но мне это надо познать...

Лёша. Сиди дома, роди мне ребёнка...

Вера. Мне это интересно как человеку, современному человеку, женщине, гражданке, на чьей родине была война. Пойми меня.

Лёша. Я жрать хочу! В мире кризис, я кручусь, как немецкая овчарка на работе, доходы падают, не могу поехать в отпуск, потому что везде свиной грипп. Вот что интересно современному человеку: как выжить сейчас?! Сейчас! Сейчас! И пожрать бы.

Вера. Вот! Вот. Давай вместе выживать. Вместе. Выживать.

Лёша. Ё! Ё! Ё! Ё! Ё! Ё!

Пауза.

Вера. Хочешь, я тебе картошку от мундиров почищу?

Лёша. Не хочу.

Вера. Потерпи немножко. Через месяц премьеры.

Лёша. Через месяц? Ё! Ё! Ё! Пора открывать второй фронт. Я в кафе. Если хочешь, догоняй. *(Выходит)*.

Сцена 5.

Вывеска «Золото. Ломбард. Ремонт часов» и так далее. Женщина с сумками, пакетами, телефонами подкрадывается к Вере.

Женщина *(шёпотом)*. Зол... Сере... Меда...

Вера. Что?

Женщина *(шёпотом)*. Золото? Серебро? Медали?

Вера. Что-что?

Женщина. Что сдавать несёшь? *(Отходит на пару шагов и смотрит в сторону)*.

Вера. Я?

Женщина. Нет! Пушкина жена! Что у тебя?

Вера. Запонки мужа.

Женщина. Тише ты. Золотые?

Вера. Платиновые.

Женщина. Дожилась. Покажи, что за цацки такие? *(Подходит к Вере)*.

Вера. Вот. От Армани

Женщина. Покойного. А ничего так. Красиво. Спрячь.

Вера. Нравится?

Женщина. Нравится – не нравится, сколько хочешь, красавица?

Вера. Пять буханок хлеба.

Женщина. Ты что?!

Вера. Четыре. Не меньше...

Женщина. Буханок хлеба?

Вера. Да.

Женщина. А где я тебе их возьму? Четыре буханки!

Вера. Женщина, пожалуйста. Хорошие ведь запонки. Я только четыре хлеба прошу...

Женщина. Какого хлеба? Какого такого нафиг хлеба?

Вера. Любого. Поменяйте, прошу вас. Это же Армани...

Женщина. Да нет у меня хлеба! Деньги бери.

Вера. Нет хлеба? Как нет хлеба? Нам есть нечего.

Женщина. Да что это сегодня такое? Это развод что ли такой?

Вера. Пожалуйста, женщина. Я вам руки целовать буду. Муж голодает. Он очень слабый уже.

Женщина. Розыгрыш? Спасибо. До свидания. *(Собирается уходить)*.

Вера *(хватая женщину за руку)*. Ну хоть три буханки?

Женщина *(пытаясь освободиться)*. Мать моя, женщица!

Вера. Я хлеба хочу!

Женщина. Нету! Нет у меня хлеба! Пока!

Вера. Хорошо! По буханке за запонку!

Женщина. Два хлеба за запонки?

Вера. Да, или я к другим обращусь.

Женщина. Стоять! Так. Так. Нет, это неправда. Ты аферистка. Развести меня хочешь.

Женщина отходит, но Вера догоняет её и падает на колени.

Вера. Я есть хочу.

Женщина. Подожди. Так! Что делаем? Что делаем? Что мы сейчас сделаем... Люди добрые! Что же это делается! Спокойно, спокойно, спокойно. Это я сама с собой. С собой. Сейчас что-нибудь придумаем. Встань. Тебе точно хлеб нужен?

Вера. Да, очень!

Женщина. Кому я верю? Кому я верю? Не, не, не, не! Опять обман... Ладно... Я сейчас хлеб принесу.

Вера. Спасибо, спасибо вам.

Женщина. Через десять-пятнадцать минут.

Вера. Спасибо, спасительница моя.

Женщина. Да тише ты! Только никуда не уходи и запонки никому не показывай. Хорошо?

Вера. Только быстрее. *(Протягивает запонки).*

Женщина. Хорошо!!! Спрячь! Спокойно, спокойно. Спрячь запонки! О-о-о-о-о. Всё. Я за хлебом. Что я делаю? Тебе белый? Черный?

Вера. Всё равно.

Женщина. Значит, белый.

Вера. Лучше чёрный.

Женщина. Хорошо. Будет один белый, один чёрный.

Вера. Можно ситный.

Женщина. Ой, я в хлебе не очень. Я его не ем, я на диете. *(Уходит).*

Вера *(вслед).* Тогда ржаной. Да, любой! Любой! Лишь бы хлеб был. Вкусный, мягкий, свежий хлеб. Был. Хлеб...

Сцена 6.

Женская гримуборная. По трансляции периодически раздается фонограмма спектакля про войну. Актрисы партизанки заняты важным делом.

Катя. А мы не взлетим?

Вера. Не дрейфь. Главное, не вылететь из спектакля. Бутылку крепче держи. Ты переселилась уже в комнату родителей?

Катя. Да! К нам родственники из Польши приехали...

Вера. Это не то.

Катя. Считай, что это беженцы, польские евреи укрываются.

Вера. Всё это поддавки.

Катя. Но телефонный провод отрубила. Незаметно. Хряк ножиком по проводам...

Вера. Бутылку держи!!!

Катя. Вер, Вер, это не опасно?

Вера. Пока не опасно. И чему тут быть опасно? Обычный бензин и машинное масло.

Катя. А в рецепте ты уверена?

Вера. Как в Интернете прочла, так и делаю.

Катя. Ой, не нравится мне этот коктейль Молотова. Не нравится...

Голос по трансляции. Сцена атаки. Все занятые на сцену.

В фонограмме звучат взрывы.

Вера. Сегодня наш режиссер в эйфории.

Катя. Наш Иваныч забыл снять штаны на ночь.

Вера. Главное, чтобы нас не снял. Осталось четыре недели. А он только с Котиковой и Пушковой репетирует, а мы, как две дуры, в гримёрках сидим.

Катя. Зато взрывчатку успели сделать.

Вера. Да. Всё, закрываем. Закручиваем.

Катя. И что?

Вера. Всё прекрасно. Зажигалкой «чих» и – бабах!

В фонограмме звучат крики «Ура!».

Катя. Кого?

Вера. Найдём кого. Скоро у нас будет важное партийное задание.

Катя. А мы разве сможем?

Вера. Сможем.

Катя. Ужа-а-асно...

Вера. Это ты – ужасная партизанка, Катя. Иди к нашему гениальному Иванычу, сядь элегантно на диванчик для распределения ролей, поплачь и попроси у него другую роль.

Катя. Какую?

Вера. Эсэсовку.

В фонограмме звучит немецкий марш.

Катя. Ты гонишь.

Вера. Нет! Из тебя классная эсэсовка получится. Загорелая такая вся. С балтийского пляжа в штаб приехала.

Катя. Перестань.

Вера. Данцигский маникюр, потсдамский педикюр...

Катя. Не хочу эсэсовку!

Вера. Да посмотри на себя! Иваныч – старенький, из зала не видит твои наращенные ногти.

Катя. Я перед премьерой лак сниму.

Вера. А до премьеры? Где ты видела партизанку с сиреневым лаком? Откуда этот сиреневый цвет?

Катя. Сейчас так модненько.

Вера. Эсэсовка!

Катя. Может бордовый попробовать?

Вера. Куда тут бордовый? Я понимаю еще ярко-красный...

Катя. У тебя есть?

Вера. Да. Нет! Что ты?! Я в Красный крест всё отдала. Всё. Эсэсовка!

Катя. Сама такое слово.

Вера. Посмотри на мои ногти. Во! Нормальные подпольные ногти. Ну как? А?! Не то, что твои!

Катя. Так что мне? Четыре недели без маникюра ходить?

Вера. Да!

Катя. Как ты жестока.

Вера. Нет, пожалуйста, можешь попросить тогда роль какой-нибудь коллаборационистки.

Катя. Вот еще!

Вера. За баночку сиреневого лака будешь обслуживать немецких офицеров...

Катя. Не-е-ет...

Вера. ...родину продавать...

Катя. Нет, нет и еще раз нет!

Вера. Или партизанку – предательницу. Классическую такую. Воевала, воевала, а потом струсилась...

Катя. Нет!

Голос по трансляции. Партизанки Котикова, Пушкова, на сцену!

Вера и Катя смотрят друг на друга.

Катя. Я люблю роли на преодоление. Я должна это сыграть.

Вера. Мы! Должны это сыграть!

Катя. Должны. Я пойду до конца. На любые жертвы ради искусства.

Звучат частичные выстрелы.

Вера. Молодец, клянись! Повторяй за мной: мы, Вера и Катя...

Катя. Мы, Вера и Катя...

Вера. Вступая в ряды актрис, играющих партизанок...

Катя. Вступая в ряды актрис, играющих партизанок...

Вера. Торжественно клянёмся, что до премьеры...

Катя. Торжественно клянёмся, что до премьеры...

Вера. Не будем посещать солярий, фитнес-клуб...

Катя. Не будем посещать солярий, фитнес-клуб...

Вера. Кафе, рестораны, ночные клубы...

Катя. Ой, как эта война некстати, кафе, рестораны, ночные клубы...

Вера. Парикмахерскую...

Катя. Парикмахерскую?

Вера. Да! Парикмахерскую!

Катя. И парикмахерскую...

Вера. Салон красоты.

Катя. О-о-о-о-о, салон красоты!

Вера. Если мы нарушим обещание...

Катя. Если мы... А голову мыть можно?

Вера. Хозяйственным мылом.

Катя. Фашисты! Сволочи! Ненавижу!!!

Рыдания Кати заглушает фонограмма налёта немецкой авиации.

Сцена 7.

Мартовский вечер. Кухонный стол. Лёша читает газету. Вера стоит к нему спиной и что-то готовит.

Лёша. Ну скоро ужин?

Вера. Сейчас.

Лёша. Завтра 1 апреля. Хорошо день дурака пройдёт: с четырьмя дураками встретиться и трёх дураков директор сказал уволить. Он-то сказал мне, а решать должен я. Умник. Ё! Ё! Ё! Что за жизнь? Не жизнь, а сокращение штата. А зубы на меня точить будут, а не на директора. А еще всем зарплату снизят на десять процентов. Представляю, что тогда начнётся. В отпуск бы от этого кризиса уехать. Ага. Уедешь тут. Как уедешь, так уже не вернёшься. Или уволят, или что-нибудь сократят тебе. Может, хоть на выходные куда рванём? Ах, да. У тебя же премьера скоро. Будешь работать. Работать. Работать. Когда ужин?

Вера. Сейчас, сейчас.

Лёша. О! Сомалийские пираты захватили нефтяной танкер. Прекрасно! Молодцы ребята. Правильно. У нас бензин дорожает, а они целый танкер увели. Средь бела дня, средь океана. Мне бы пару баррелей подарили. Ё! Ё! Ё! И действительно, почему люди не летают, как птицы? Сейчас бы вечером слетал бы в Ирак или Венесуэлу со своей канистрой за дешевым бензином. Хотя зачем мне тогда бензин нужен? На атолл бы какой коралловый залететь, маракую сорвать и съесть, в песочек зарыться золотой и теплый такой. Или вот лучше в Милан за новым костюмом, галстуками, рубашечками. И тебе бы тряпочек новых привез. Нижнее белье, платье от Кавалли, сумку Тодс... Только на обратном пути руками махать не удобно будет. С новыми фирменными шмоточками твоими... Или в Париж за вином слетать хорошо бы было... Летишь, вино потягиваешь,

пармезаном закусываешь, сигару покуриваешь. Только евро нужны. Что я деньги все считаю? Вот. В Эфиопии снова засуха. Голодают. Скоро ты?

Вера. Сейчас.

Лёша. Вообще очень хорошо, что люди не летают, как птицы, а то бы эта чернота местная африканская, как саранча, налетела бы и к нам, и в Европу. Такая жопа. Ой, извини. Ты не любишь, когда я ругаюсь. Короче, кругом ягодицы. Большие такие спелые ягодицы. Выйдешь из подъезда, и вот она розовая сплошная ягодица светит тебе, как солнце. А может солнце и есть жо... жё... жёлтая ягодица? Горячая такая, жаркая вся. И мы вокруг неё вертимся, вертимся. И у ягодицы семечки крупные, прожаренные... Где ужин уже?

Вера ставит на стол тарелку с кусочками хлеба.

Вера. Вот.

Лёша. Не понял. Что это?

Вера. Хлеб. Тебе взрослая рабочая порция. Сто двадцать граммов. Мне хватит семьдесят пять. Приятного аппетита.

Долгая пауза. Вера ест хлеб. Лёша смотрит на неё. Потом тоже начинает есть хлеб. Медленно съедают всё до последней крошки.

Лёша. Спасибо. Было очень вкусно.

Вера. Ты злишься на меня?

Лёша. «Злиться» от слова «зло». А я люблю тебя. И жду, жду, жду, когда уже... состоится это твоя премьера... Но...это в последний раз. В последний? Хорошо? Здесь не театр. Здесь наш дом. Спокойной ночи.

Лёша уходит. Вера молча провожает его взглядом.

Сцена 8.

Стеллажи супермаркета, заваленные продуктами питания. Две актрисы партизанки, заваленные новыми идеями, глазами и руками перебирают полки.

Вера. Не годится. Всё не то. Ничего не подходит.

Катя. Какая разница? Главное, чтобы пронести хоть что-нибудь.

Вера. Нам надо что-нибудь крупное и тяжелое, похожее на мину.

Катя. Я думала, всё в дело в принципе, а не в объеме. Мы в школе маленькие шоколадки крали, а один раз со страху перепутали – у кассы презервативы «спиионерили».

Вера. Бабушка рассказывала, что она проносила в город круглую мину. Причём привязывала её к спине моего папы. Он грудным тогда был. Пеленала его и так проносила. Правда, папа болел часто и до трёх лет ходить не мог.

Катя. И не жалко ей было папу?

Вера. Вот не знаю. (*Берёт банку*). Сейчас бы всё, конечно, у неё подробно расспросила. Это нам не подходит (*Ставит банку на место*).

Катя. Надо было внимательно живую бабушку в детстве изучать.

Вера. Кто ж знал, кто ж знал.

Катя. И моих уже нет. Но они в Западной Беларуси жили, и немцы вроде им даже помогали. Я смутно рассказы помню. На Новый год поросёнка им подарили. Может, интервью у ветеранов возьмем?

Вера. Не плохо было бы. (*Берёт коробку с печеньем*). Вот ничего коробочка, но лёгкая. (*Ставит на место*). Надо подумать над твоим предложением.

Катя. Ветеранов еще много осталось. Это ж подумать только, откуда у них столько здоровья после войны? Мы точно до таких лет не доживем. Хоть бы до пенсии дотянуть. А то эти Кампари, Мартини – такая нагрузка на организм. А давай по бутылочке Мартини пронесем? Типа наш коктейль Молотова. А?

Вера. Катя! Алкоголь!

Катя. Фу! Фу! Какая я плохая! Что я говорю? Что я говорю?! Алкоголичка! Фу. Ой, шампанское брют! Может его? За Родину? За Сталина? Ой, я опять! Фу! Фу! Катя! (*Бьёт себя по рукам*). Какая ты плохая! Плохая, плохая, плохая! Мартини с водочкой, немного льда и оливку... Пьянь! Пьянь! Плохая девочка! Стыдно! Стыдно!

Вера. Ясно. В другой отдел надо идти.

Катя. Кукурузные палочки! Ой! Сто лет не ела.

Вера. Кстати, кстати. Можем их прихватить в нагрузку. Типа пачка листовок из подпольной типографии.

Катя. Ой, нет. У меня был парень, у него носки почему-то кукурузными палочками пахли. Так странно. Как разуется, так сразу мне казалось, что я в фойе цирка, где попкорн продают, сладкую вату, и там запах животных разных...

Вера. Цирк – это хорошо...

Катя. А меня подташнивало.

Вера. А зоопарк, кстати, ещё лучше. Есть идея.

Катя. У тебя столько идей всегда. А я тогда лежала на спине, как ёжик в тумане, он на мне, а я думала: «Почему именно кукурузными палочками?» Откуда это? Зачем это? Куда это? Кому это? Где это?

Вера. Да, зоопарк. Именно зоопарк.

Катя. А меня вчера так обидели, так обидели.

Вера. В зоопарке?

Катя. Почти. Пригласил мужчина в гости. Пили коньяк, общались, прижимались. Я думаю, сейчас начнется. А он решил мне фотографии из Таиланда показать. Думаю, ладно, посмотрю для приличия и секс. А он на первой же фотографии какую-то тварь страшную мне подсовывает и спрашивает: «Что это за птичка?» Откуда я должна знать, что это за птичка? Я что? Должна была в театральном зоологии факультативно изучать? А он говорит, что это тукан.

Вера. Тукан?

Катя. И добавляет: «Меня привлекают только умные и разносторонние. До свидания». Такой уже тукан! Я теперь эту носатую птицу с клювом навсегда запомню. И этого умника. А если бы я всем своим любовникам вопросы задавала, в каком году МХАТ открылся, кто такая Алиса Коонен? Я до сих пор девственницей была бы. Ну почему, Вера, такая херня происходит со мной? Что во мне не так? Я их неделями обрабатываю, а они меня... (*Плачет*).

Вера (*утишая*). Тише, тише.

Катя. Что я не красивая?

Вера. Красивая.

Катя. Не хорошая?

Вера. Очень хорошая.

Катя. Так почему они меня замуж не берут?

Вера. Потому что туканы.

Катя (*смеясь и вытирая слёзы*). Что это? Куда это? Кому это? К чему это? Как это? С кем это?

Вера. Когда мы с Лёшей в первый раз занимались любовью, у него вдруг полились слезы. Я радостно подумала: это он от счастья, что стал мужчиной. Оказалось, у него аллергия на цветение, и он забыл принять таблетку.

Катя. Бедный.

Вера. А я до сих пор помню, как он плакал. Как это было красиво: оргазм и слезы!

Катя. Мне бы такого Лёшу...

Вера. А вообще, Катя, я тебе советую до премьеры о сексе не думать.

Катя. Здравсьте! В этом я не клялась.

Вера. А придётся.

Катя. Нет уж. Стране нужны солдаты и работницы тыла. Так что в демографическом взрыве ты мне не отказывай.

Вера. Ты как мой Лёша.

Катя. И очень хорошо, подруга.

По репродуктору голос. На втором этаже нашего супермаркета скидка десять процентов на французскую косметику.

Катя. Ой, Вер. Одолжишь мне пятьдесят долларов? Надо маме косметику на день рождения подарить.

Вера. Ладно.

Катя. Потом отдам.

Вера. Хорошо. Вот! Смотри! Круглые банки с сельдью. То, что надо.

Катя. Какая гадость...

Вера. Запихнём под юбку по баночке.

Катя. Холодно.

Вера. Моему папе тоже было холодно.

Катя. Но у нас там же... Детей ещё рожать...

Вера. О родине думай.

Как будто изучая ценники, актрисы прячут банки под юбки, а потом с японской качающейся походкой осторожно идут к кассам. Сзади появляется женщина, скупавшая ювелирные изделия.

Женщина. А я всё видела.

Катя. В чем дело?

Женщина. Воровки.

Катя. Мы? Женщина, побойтесь Бога.

Женщина. Вы сейчас милицию бояться будете.

Катя. Слушай меня, гестаповка с полицией, я таких, как ты, к стенке ставила.

Женщина. Что-о-о-о?

Катя. Что слышала! Из-за таких, как ты, в стране кризис. Никакой гражданской позиции, никакой ответственности. Только «дайте, дайте, дайте». А что вы сделали для этого «дайте»? Что? Что вы сделали?

Женщина. А что я?

Катя. Ничего! Ни-че-го! Уж очень много мы грешили!

Женщина. Какие у нас грехи?

Катя. О, наши грехи! Мы всегда сорили деньгами без удержу, как сумасшедшие... Наши мужья умирали от шампанского... они страшно пили... А мы? Мы закрывали глаза, бежали, себя не помня, а они за нами... безжалостно, грубо... Так глупо, так стыдно...

Женщина. Что с вами?

Катя. Господи, господи, будь милостив, *(сквозь слезы)* прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше... Дорогой, многоуважаемый стеллаж! Приветствую существование твоих... товаров, которые... были направлены к светлым идеалам добра и справедливости. *(Утирает слезы.)* Твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал, поддерживая в поколениях нашего государства бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания... Сестра моя, страдающая сестра моя! Выйди на... чей стон... Словно где-то музыка...

Катя, рыдая, садится у стеллажа.

Женщина. Простите меня.

Вера. «Это наш знаменитый еврейский оркестр. Помнишь...»

Женщина. Простите?

Вера. «...четыре скрипки, флейта и контрабас»... Оставьте нас, пожалуйста.

Женщина. Да, да. Вот только... лицо мне ваше знакомо.

Вера. Вы меня спасли недавно.

Женщина. Так это были вы. Может, еще хлеба?

Вера. Спасибо, не надо.

Женщина. Чего-нибудь еще?

Вера. Ничего не нужно. Вот вам за труды.

Вера машинально снимает с ушей сережки и отдает женщине.

Вера. Уходите.

Женщина. Иду. Я здесь работаю. Меня вы можете найти.

Вера. Ах, оставьте!

Женщина. Зарплаты упали, так мне приходится... Сами понимаете.

Вера. Быстрее уходите. Сейчас сюда придут.

Женщина. Я понимаю. Всего хорошего. До новых встреч.

Женщина уходит. У Кати начинается истерика от смеха. Вера присаживается к ней.

Катя. Как я сыграла?

Вера. Волшебно сыграла. Только Антон Павлович за такую компиляцию руки тебе отбил бы.

Катя. А что мне оставалось делать? Что сказать - не знаю, вот и начала монологи из Чехова шпарить! Если бы автор услышал, переписал бы пьесу.

Вера. Конечно.

Катя. Конечно! Такой талант, такие эмоции, такой плач.

Вера, а вслед за ней и Катя начинают вынимать из-под юбок банки с сельдью.

Катя. А ты знаешь, Вера, страшно по-настоящему мне не было. Мы сыграли, а хотелось чего-то другого.

Вера. Да, нам нужен настоящий страх. Обыска, голода, холода, смерти. Как во время оккупации им было? Это же ненормально! Ненормально.

Катя. Если бы это были мужики в форме, то, может, мы бы испугались. Да?

Вера. Мы найдем таких. У меня есть один экземпляр. Наша новая цель – успешно пройти пытки. Мы должны выдержать, и мы ничего не должны рассказать врагу, как бы мучительно больно нам ни было.

Катя (*со страхом*). Мамочки-и-и-и.

Сцена 9

Холодный вечер, влажная постель. Вера дрожит. Лёша подходит к ней.

Лёша. Опять? Опять... Что ты снова придумала? Что происходит? Почему так мокро?

Вера. Ничего. Ерунда.

Лёша. У тебя не бывает ерунды. Говори.

Вера. Не скажу.

Лёша. Боец Вера, я приказываю.

Вера. Я облила себя холодной водой.

Лёша берётся руками за голову.

Лёша. Так...

Вера. И вышла на балкон.

Лёша. Зачем?

Вера. Чтобы узнать, что чувствовала Зоя Космодемьянская, когда замерзала...

Лёша. О, Боже.

Вера. Я думала весной терпимо... я долго не смогла, не смогла...

Лёша. Вера, это невыносимо. Ты сходишь с ума от своих амбиций. Я же тебя предупредил, чтобы дома больше никакого театра.

Вера (*чуть не плача*). Я же не дома. Я на балконе...

Лёша. Ё! Ё! Ё!

Лёша садится к Вере и начинает растирать её тело.

Вера. Это так ужасно.

Лёша. Ужасно, ужасно, ты холодная как лягушка. Попробовала и хватит.

Вера. Я не люблю холод.

Лёша. Это хорошо. Холод любить не надо, меня любить надо, я тебя хочу.

Вера. Ты только хочешь или еду, или меня.

Лёша. Я еще хочу красиво жить.

Вера. Красиво жить. А дальше что?

Лёша. Дальше? Модно одеваться

Вера. А дальше?

Лёша. Престижно отдыхать.

Вера. А дальше?

Лёша. А дальше... Ё! Ё! А дальше, хочешь, мы встретим эту ночь в Берлине? У Бранденбургских ворот будем есть гамбургеры и запивать их светлым пивом. А потом в Гоа танцевать до упада на транс вечеринке. А рассвет встретим в Австралии, укрывшись рыжим кенгуру, а под головой у нас будут мягкие коалы – подушки. А завтракать будем среди африканских пигмеев. Мы будем шокировать их своими разрисованными нагими телами, потому что нам будет жарко в охапках друг друга...

Вера. И не думай.

Лёша. Ё! Ё! Ё! Неужели кризис и до моей постели добрался?

Вера. Каждому своё: у тебя мировой экономический кризис, у меня вторая мировая война.

Лёша. У тебя не война, у тебя комплексы партизанки. Причем странные и дикие. Пойми, даже твоя бабушка подпольщица родила в сорок третьем году. Значит, она по ночам думала не только о победе...

Вера. Что ты говоришь?

Лёша. Горькую правду о том, что люди и тогда хотели жить сладко, мечтали ходить в кино и есть шоколадки, целоваться в темноте зала и, представляешь, радоваться апрельскому солнцу. Потому что солнце - это солнце. Оно должно радовать. Или это ты не представляешь?

Вера. Пока нет. Я еще не напугалась так сильно, чтобы радоваться простому солнцу.

Лёша. Ё! Ё! Ё! Ни солнца, ни еды, ни секса.

Нежданно-негаданно раздаётся звонок в дверь.

Вера. Всё. Это за мной. Пришли. *(Уходит в прихожую).*

Лёша. Та-а-ак! Что ещё меня ждёт?

Вера входит вместе с Катей.

Вера. Слежки не было?

Катя. Да вроде нет.

Вера. Лёша, это Катя. Катя, это Лёша.

Катя. Вера, мы же все знакомы.

Вера. Теперь другое время. Кругом враги. Катя будет жить у нас. Ее семью арестовали, она скрывается.

Лёша. Гутен таг, Катьюшша.

Вера. Лёша, перестань.

Лёша. Ё! Яволь.

Вера. Пожалуйста, не юродствуй.

Лёша. Зэр гуд, зэр гуд. Чем будем гостью развлекать? Может, комендантский час попробуем? Или обыск ей устроим?

Катя. Мне сейчас не до развлечений.

Лёша. Почему же? А что если мы создадим выездную бригаду? Концерты фронту вы бы показывали.

Катя. Хорошая мысль.

Лёша. Сразу после ужина! Да, девчонки?

Катя. Конечно.

Лёша. Какой предложить вам аперитив, фройляйн?

Вера. У нас всё есть.

Лёша. Сталинские сто граммов водки?

Вера. Вот именно.

Лёша. А закусывать чем будем?

Катя. Я утром собирала на лугу крапивку...

Лёша. Крапивку?

Катя. Да.

Вера. Добавим немного картошечки и сварим легкий весенний суп.

Лёша. Мило, мило. Только я траву есть не буду. Минуточку.

Лёша выходит.

Голос Лёши. Я был в тылу врага, как говорят у вас в театре, и взял трофей.

Лёша выкатывает из кухни сервировочный столик с дорогими продуктами питания.

Лёша. Как вы насчет пиццы?

Вера. Пицца?

Катя (*Вере*). Итальянка.

Вера (*Кате*). Фашистка?

Катя (*Вере*). Ага! Подружка Муссолини.

Вера. Казнить ее!

Катя. Казнить!

Вера бросает коробку с пиццей на пол и с Катей топчет её ногами.

Лёша. О-о-о-о-о, началось. А салат?

Катя (*Вере*). Салат?

Вера. Бездарный! (*Бросает под ноги салат*).

Лёша. Карпаччо?

Вера. Антисекс! (*Швыряет в сторону*).

Лёша. Ням-ням: пулярка?

Вера. Пулярка – сучка! Ненавижу. (*Кидает в стену*).

Лёша. Индюшка?

Вера. Стерва, дрянь...

Катя. Паскуда! (*Бросает на пол*).

Лёша. Телятина?

Вера. Дешевая подделка. (*Топчет ногами*).

Лёша. А если...

Вера. Пармская ветчина твоя – дерьмо собачье! (*Рвёт на куски руками*).

Лёша. Ё!

Катя. Креветки – аморально! (*Далеко забрасывает*).

Вера. Кальмары – оппозиционеры! (*Бросает ещё дальше*).

Катя. Маслины и оливки – всё отстой! (*Старается метнуть ещё дальше*).

Вера. Марципаны – жалкая попса. (*Давит пальцами*).

Катя. А кофе под названием глясе - трэш, мусор! (*Выливает*).

Лёша. Ё! Ё! Ё!

Вера и Катя захватывают в плен столик и на нём крушат и терзают оставшиеся продукты.

Вера. Все муссы – хамы!
Катя. А лосось – уродство!
Вера. Икру всю к чёрту!
Катя. Трюфели свиньям на их бизнес-ланч!
Вера. Все баклажаны – негодяи!
Лёша (*отходя в сторону*). Расстрелять...
Катя. Угорь давно уплыл на юг!
Вера. Причем уже копченый!
Катя. А с ним и стерлядь маньячка!
Вера. И идиотка сёмга!
Катя. А хурма отвратна!
Лёша (*надевая на себя плащ*). Давайте... Пли...
Вера. Всем суши сделать харакири!
Лёша. Банзай.
Катя. А крабы – камикадзе!
Вера. А пармезаны, рокфоры, дор блю...
Катя. И иже вина с ними...
Вера. В концлагерь!
Катя. В печку!
Лёша. Всё понятно! Хватит! И коньяк – пошляк... Ё! Ё! Ё! Всё. Ухожу на фронт. В командировку! (*Идёт к выходу*).
Вера. Я буду ждать тебя, родной, любимый. (*Машет рукой*).
Лёша (*повернувшись к Вере*). Жди меня, и я вернусь, только очень жди... (*Уходит*).
Вера. Я дождусь тебя, Лёшенька!!! (*Бежит за ним и падает*).
Катя. Ой, горе! Ой, бабы, горе!!!
Вера. Возвращаясь с победой, когда меня поймёшь, Лёша-а-а-а!!!
Катя. Горе!!!
Вера. Лёша-а-а-а!
Катя. Горе-то какое!!!
Вера. Лёшенька! Родной!!!
Катя. О-о-о-о-о-о-ой, горе!!!
Занавес.

Второй акт

Однажды бабочке лимоннице приснилось, что она партизанка: она летела на первое боевое задание, была взволнована и не знала, что она – бабочка. А проснувшись внезапно, даже удивилась, что она – лимонница. И не знала уже: ей ли снилось, что она – партизанка, или партизанке снится, что она – бабочка.

Сцена 10

Приглушенный свет в квартире инструктора. Звонок в дверь. Хозяин выглядывает из-за ширмы.

Инструктор. Открыто!

В комнату входят Вера и Катя в крестьянских нарядах.

Инструктор. Вы опоздали. У меня через час следующий клиент. Сразу к делу.

Катя. Мы любительницы. Так, из любопытства решили разок попробовать...

Инструктор. Ну да, ну да. Насильно мил не будешь.

Катя. И это... Давайте договоримся сразу. Мы девушки нежные, начинающие...

Инструктор. Ага! В первый раз в первый класс.

Катя. Вы как-нибудь полегче... (*Смотрит на Веру*). Хотя потом можно и посильнее. Если всё терпимо, значит, всё хорошо. Будем молчать.

Инструктор. А какой пароль?

Катя. Какой ещё пароль?

Инструктор. Так нужен же пароль. Я же могу не остановиться.

Катя. Так... пароль... (*Задумалась*).

Вера. Иваныч.

Катя. Да! Иваныч!

Инструктор. Так какой же это пароль «иваныч»?

Катя. Вот такой.

Вера. Давайте уже быстрее. У нас же времени мало.

Инструктор. Так «иваныч» нормальный пароль. Итак! Опишите ваши пожелания.

Катя. Так вот. Мы две селянки, которые знают, где скрываются еврейские дети...

Инструктор. Так, блин. А мне то что?

Катя. А вы жестокий гестаповец, который у нас под пытками должен выбить показания.

Инструктор (*после паузы*). Так это ж интересно.

Катя. И давайте без ваших лирических отступлений.

Инструктор. Не учи меня жить и работать, блин.

Вера. Ну что смотришь на меня, гад? Бей меня, фашистская морда!

Инструктор. Ах ты, сволочь!

Инструктор выходит из-за ширмы в «эсэсовской» форме.

Катя (*испуганно*). Мама!

Инструктор начинает избивать героических актрис.

Вера. «Расцветали яблони и груши...»

Инструктор. А ну, признавайся, селянка!

Вера. «Поплыли туманы над рекой...»

Инструктор. Говори, дрянь, где прячутся еврейские дети? Кто их скрывает у себя? Говори!

Катя. Не скажу, фашист!

Инструктор. Говори!

Вера. Вам всем капут! Победа за нами!

Катя. Всех не перебьёте!

Инструктор. Партизанские шлюхи! Я вас убью!

Катя. «Выходила на берег Катюша...»

Вера. «На высокий берег на крутой».

Избиение актрис продолжается довольно долго. Они мужественно терпят боль. Инструктору уже не хватает дыхания и сил.

Инструктор. Говорите! Говорите! Где прячутся эти жида? Быстрее говорите, времени нет. Скоро другой клиент придёт. Вы же знаете! Вы должны знать, кто их скрывает? Кто? Наверное, Иваныч? Да? Иваныч? Я спрашиваю: Иваныч?

Катя. Нет!

Вера. Нет! Нет!

Катя. Давай! Убей меня, изверг! И моего не рождённого ребёнка!

Инструктор резко останавливается.

Инструктор. Тьфу, дура. Всё, хватит, хватит. Я не могу так работать...

Вера. В чем дело?

Инструктор. Девочки, как так можно работать? Что вы несёте? Какого ребёнка, блин? Ты беременная?

Катя. Типа, да.

Инструктор. Ты в своём уме вообще?

Катя. Я так представила. А что такого?

Инструктор. Ничего, блин. Одно дело – побить вас, но такое слушать!!! Что я, не русский что ли? Я же... я же... в детстве с ровесниками в войнушку играл... я фашистов бил... а сейчас... как я могу... блин... как могу я так своих...

Катя. Ну и что здесь такого? Ведь так хорошо всё шло! Вера, он лузер.

Вера. Неудачник.

Инструктор. Я не могу... не могу... У меня дедушка воевал...

Вера. Дилетант.

Катя. Бездарность.

Инструктор. И по папиной линии у меня в родне евреи, блин...

Вера. Мы не будем тогда платить деньги.

Катя. Правильно!

Инструктор. И не надо... я не возьму ваши грязные деньги... Фашистки!

Вера. Чего?

Катя. Что он сказал?

Инструктор. Уходите! Всё! Время вышло!

Вера. Мы фашистки?

Вера и Катя избивают инструктора.

Инструктор. Что вы меня мучаете, садистки? Уходите! Не надо! Не надо! Еврейских детей скрывает Иваныч! Иваны-ы-ы-ыч!

Актрисы останавливаются.

Вера. Вот гад.

Катя. Предатель.

Инструктор (*вытирая из носа кровь*). Простите меня, простите.

Катя. Пойдём.

Вера. Подожди секунду. Жалко его. Хороший ведь.

Вера подсаживается к инструктору.

Вера. Не расстраивайся, мой... маленький Принц. Хочешь? Я нарисую тебе собачку? Дивного щеночка. Это будет твой пекинесик.

Инструктор. Блин, не хочу я пекинеса.

Вера. Лабрадорчика?

Инструктор. И лабрадора не хочу.

Вера. А какую собаку ты хочешь?

Инструктор. Злую, большую, красивую.

Вера. Я нарисую тебе такую собаку, как и ты сам. Главное, чтобы тебя не выбросили на улицу, как некоторые любимых из своей жизни. Лучше усыпить тебя сразу. Не расстраивайся. Мы победим, блин. Мы обязательно победим.

Вера и Катя на прощание гладят инструктора по голове и уходят.

Сцена 11

Приглушенный свет в квартире женщины – продащицы и скупщицы ювелирных изделий. Хозяйка в странном и ярком вечернем наряде. Явно из сэконд-хэнда. Звонок в дверь.

Женщина. Входи!

Входит Лёша с пакетом в руках.

Лёша. Ой. А разве проститутки бывают такими?

Женщина. А что у меня не так?

Лёша. Что-то, что-то... что-то...

Женщина. У меня всё есть, всё на месте. (*Поворачивается*).

Лёша. Антураж какой-то неклассический.

Женщина. А ты эстет?

Лёша. Да уже и не знаю.

Женщина. Ты на час или на всю ночь?

Лёша. Если понравится, давай на всю.

Женщина. Тебя раздеть, малыш?

Лёша. Нет, не надо.

Женщина. А как ты хочешь? Грубо?

Лёша. Нет. Я даже сам не знаю, чего я хочу...

Женщина. Может языком?

Лёша. Да. Скажи что-нибудь... военное.

Женщина. Ковбой, где твой огромный кольт?

Лёша. Фу, как вульгарно. Что за текст? Что это за текст?

Женщина. Из кино.

Лёша. Какое плохое кино. Надо что-нибудь суровое, но волнительное. Как на войне. Понимаешь?

Женщина. Да? Ой. Даже не знаю... Я же не народная артистка... Сейчас попробую. Раз, раз, раз. Внимание! В ходе непрерывных и продолжительных боев советские войска освободили города Тамбов...

Лёша. Ё! Продолжай.

Женщина. Липецк, Воронеж...

Лёша. Ё! Ё! Так уже лучше, лучше

Женщина. А также Курск...

Лёша. Ё! Раздевай меня.

Женщина (*пробуя развязать галстук Лёши*). Белгород, Орёл...

Лёша. Теперь про партизан что-нибудь...

Женщина. При отступлении фашистские войска понесли живые потери из-за подрывной деятельности партизанских отрядов. Многие пали...

Лёша. Да ты что! Больше позитива!

Женщина. Но их имена навсегда останутся в памяти...

Лёша. Позитива больше!

Женщина. Никто не забыт, ничто не забыто...

Лёша. Ой, нет. Не то. Я не знаю.

Женщина. Расслабься. Ты весь какой-то мыслительный, как на собрании у директора.

Лёша. Да, я понимаю. Есть некоторая заикленность. И проблем много.

Женщина. Ой, да. Жизнь сейчас не сахар. Давай я подслащу твой вечер, лейтенант. Возьми меня!

Лёша. Лучше ты меня возьми, как рейхстаг в сорок пятом. Давай! (*Прячется за диван*). Иди на меня в атаку с криками «Ура». Попробуй.

Женщина. Ура.

Лёша. Нет! Зычное «ура».

Женщина. Ура! Ура! Ура-а-а-а! Не получается.

Лёша. Да, самодеятельность какая-то... Ладно, давай по-другому. Я как будто в дзоте лежу. Ты знаешь, что такое дзот?

Женщина. Дерево земляная огневая точка.

Лёша. Даже я не знал.

Женщина. У меня по НВП была пятерка.

Лёша. Очень хорошо. Так вот я сейчас в дзоте, а ты ползи ко мне с гранатой, чтобы взять в плен и изнасиловать. Я готов. Ползи.

Женщина (*ползя на четвереньках*). Неудобно. Ой. Ой.

Лёша. Я вижу тебя, сейчас пристрелю. Ничком. Ничком. Дурная.

Женщина. Да неудобно мне!

Лёша. Не так. Ниже! Нагнись! Нагнись!

Женщина. Не нагинается мне...

Лёша. Какая ты дурная все-таки... Ты меня не возбуждаешь. *(Садится на спинку дивана).*

Женщина. За такие издевательства и оскорбления с тебя еще десятка сверху.

Лёша. Не интересно с тобой. И ты не профи.

Женщина. Я другое зато хорошо делаю. А на колючую проволоку со своей женой ходи, а не меня заставляй, извращенец.

Лёша. Неумеха.

Женщина. Тебя судить надо за святотатство над историей с особой жестокостью. И еще меня заставлял за деньги кощунствовать.

Лёша. Не заставлял я за деньги.

Женщина. Заставлял.

Лёша. У меня нет денег.

Женщина. Что?

Лёша. Можно я тебе продуктами заплачу?

Женщина. Чего?

Лёша. Извини. Денег нет. Но есть НЗ. Неприкосновенный запас. *(Указывает на пакет).*

Женщина. Триндец.

Лёша. Меня жена не кормит. Я очень есть хотел. Зашел в магазин и... вот. Все деньги растратил.

Женщина. Мужик, ты понимаешь сам, что говоришь? Мало того, что я терпела твои солдатские извращенные фантазии, так еще...

Лёша. Какая разница? Ты всё равно доллары поменяешь на рубли, а на рубли продукты купишь в магазине.

Женщина. Да я сама в магазине работаю. Мне деньги нужны. Зарплата сейчас не очень.

Лёша. Ё! Ё! Это да.

Женщина. Я и так приработки ишу, мама в больнице лежит, ей лекарства дорогие нужны.

Лёша. Да, да. Сейчас не очень всё катит.

Женщина. А пока она в больнице, я командировочным комнату сдаю и мужчин принимаю.

Лёша. Много?

Женщина. Ты первый.

Лёша. Ё! Ё! Ё!

Женщина. Что там у тебя? *(Садится на диван).*

Лёша. Консервы есть. Фрукты, сыр. Водку можем выпить. Давно не пил. Хочешь, ужин вместе сделаем? Посидим. Просто. Поедим. Наконец.

Женщина. Что за люди пошли в последнее время? Весеннее обострение у всех, что ли? Ладно. Открывай водку. Снимем стресс после такого... секса.

Лёша вынимает из пакета бутылку водки, пластиковые стаканчики, бананы. Разливает водку. Поднимает стаканчик.

Лёша. За знакомство. *(Выпивает, не чокаясь).*

Женщина. И за здоровье, чтобы обострение быстрее закончилось... *(Выпивает и кривится).* Ой, хорошо. Легче стало.

Лёша. Ё! Ё! Ё! *(Ест банан).*

Женщина. А зачем тебе эти фронтовые завихрения? (*Берёт банан и очищает от кожуры*). По-другому не возбуждаешься? (*Показывает ему очищенный банан и смеётся*).

Лёша. Жена довела. Артистка. А оно, оказывается, заразно.

Женщина. А мне какие артистические кадры попадают! Есть одна женщица в городе. Раненая на всю голову. Сегодня утром просто так принесла мне дорогие мужские костюмы, галстуки, рубашки, туфли новые, ремни. И всё от кутюр. Такие бренды! Загляденье!

Лёша. И что?

Женщина. Говорит, отдай все это военным беженцам. Представляешь?

Лёша. Ё-ё-ё-ё-ё! Так их много таких в городе.

Женщина. Много. Каким таким военным беженцам?

Лёша. Больная.

Женщина. Я говорю, раненая. Наливай еще за здоровье. Чтоб не заразиться.

Лёша (*разливая водку*). Да, и пусть мама твоя поправляется. (*Выпивает*).

Женщина. Спасибо. (*Выпивает*).

Лёша. А где все вещи?

Женщина. В бутик к знакомой занесла. Она меня так благодарила.

Лёша. Еще бы.

Женщина. И я хоть заработала прилично.

Лёша. Лучше бы я эту раненую встретил. Какой у этих трендов был размер?

Женщина. Пятидесятый.

Лёша. Мой. А обувь?

Женщина. Сорок третий.

Лёша. Правильно. Вот так всегда.

Женщина. А до этого она мне сережки отдала. А в первый раз, прям как ты, продукты питания захотела за запонки! Ха-ха-ха!

Лёша. Идиотка!

Женщина. Представляешь? Платиновые от Армани!

Лёша. Ё! Ё! Ё!

Женщина. За две буханки хлеба! Ха-ха-ха.

Лёша. Ё! Ё! Ё!

Женщина. Бывают же такие дуры малахольные! Наливай еще!

Лёша. Армани? Платиновые?

Женщина. Да, да! Армани! Платиновые! За простой хлеб!

Лёша. За хлеб? Ё! Ё! Ё-ё-ё-ё-ё-ё!!! Ягодицы! Какие же кругом ягодицы! Одни ягодицы! Везде ягодицы! Я... Я... Я... Ё-ё-ё-ё-ё-ё-ё-ё. (*Убегает, оставив продукты*).

Сцена 12

Поздний апрельский вечер. Актрисы партизанки заняты изготовлением новой горючей смеси.

Вера. Надеюсь, этот коктейль будет эффективнее.

Катя. А по мне всё так эффективно! Я столько в себе открыла, пережила, вжилась, что теряю реальность. Я так странно стала пахнуть. Наверное, войной. Настоящей войной. Хожу полугрязная, полусоветская, полупартизанская...

Вера. Хватит уже перечислений.

Катя. Я так рада, что она не взорвалась. Но ты бросила. Молодец. Я бы не смогла. Я застыла в глубоком шоке. Как в кино. Крупный план.

Вера. Следующая – ты.

Катя. Да, я знаю. Я обречена на подвиг.

Вера. Ой, я тебя умоляю. Это не так страшно.

Катя. Конечно, в нежилой дом не страшно. А вот в живого человека? Во врага? Например, в артистку Котикову. Или в дурочку Пушкинову? Очень в них хочется, но как можно убить живого врага? Ты кого-нибудь убивала уже?

Вера. Конечно. Комаров. А еще в детстве на окне ловила мух и отрывала им крылышки...

Катя. А я лапки.

Вера. А лапки зачем?

Катя. Чтобы они летали и не приземлялись.

Вера. Жесть.

Катя. А еще я убила двух лягушек, чтобы на них раков ловить.

Вера. А я одну в стройотряде, чтобы дождь пошел.

Катя. Как это?

Вера. Есть примета: убьешь лягушку – пойдет дождь. А нам так работать не хотелось, хотелось спать, играть в карты, с парнями общаться. Я и убила.

Катя. Пошел дождь?

Вера. Почему-то пошел.

Катя. Действует.

Вера. Но лягушку до сих пор жалко.

Катя. И мне. Двух.

Вера. А я еще гусениц бросала в муравейник.

Катя. А я, наоборот, гусениц в баночке держала, листики свежие им приносила, чтобы они хорошо ели и быстрее становились бабочками.

Вера. Гадость.

Катя. Все мы в детстве были придурками.

Вера. Ещё какими. Верили в то, чего не бывает.

Катя. В любовь?

Вера. Это ты в любовь, а я в коммунизм и в то, что дедушка Ленин не писает и не какает.

Катя. Вера!

Вера. Что Вера? Прости меня, дедушка Ленин, за мысли мои порочные. И ты, лягушка, меня прости.

Катя. И меня.

Вера. Вот, готов коктейль. Забирай, моя боевая подруга, обреченная на подвиг.

Катя кладет бутылку с коктейлем в сумку.

Катя. Куда пойти, куда податься, кого найти и с кем взорваться?

В комнату врывается Лёша.

Лёша. Вера!!! Вера! Вера? Вера... Что с тобой, Вера?

Вера. Чего ты кричишь? Что случилось?

Лёша. Почему ты в платке?

Вера. У нас тиф. Постриглись наголо.

Лёша. Нет! Нет! Только не волосы. Нет! Только не твои чудесные волосы!

Лёша срывает с головы Веры платок. Все волосы на месте.

Лёша. Ё! Как ты меня напугала. *(Плачет)*.

Вера. Лёша, это всего лишь аллергия. Ты не заметил, что заканчивается апрель. Всё расцветает. А ты не принял таблетку.

Лёша. Точно. Скоро май.

Вера. Ты голоден?

Лёша. Спасибо. Меня... союзники угостили.

Вера. Как всё прекрасно.

Лёша. Вера, Вера, Вера... Слушай, Вера, несмотря на твой тиф, скажи мне, где мои вещи? Где все мои вещи? Одежда, обувь, запонки?

Вера. Там, где и все мои. *(Встаёт)*.

Лёша. Где?

Вера. В эвакуации, если тебе так легче.

Лёша. А точнее? Ты их выбросила. Бесплатно раздала.

Вера. Если это точнее, то – да. *(Отходит к окну)*.

Лёша. Вера! Ё! Ё! Ё! Ты раненая. Ты понимаешь, что ты раненая? У тебя пуля в голове. Да что пуля! У тебя там застряла целая автоматная очередь.

Катя. Это грубо.

Лёша. Там целый склад снарядов.

Вера. Я знаю. Это война.

Лёша. Какая война? Какая, в ягодицу, война? *(Делает шаг к Вере)*.

Вера. Не подходи ко мне. Здесь заминировано.

Лёша. Вера! Хватит! Твоя война не катит! Она была давно! Давно. Давно закончилась!

Вера. Не подходи.

Лёша. С тех пор все изменилось. Никто не будет с нами воевать. Никому мы не нужны. *(Делает шаг к Вере)*.

Вера. Не подходи ко мне – взорвешься.

Лёша. Раз два в год вспомним – и хватит! Нет войны!

Катя. Есть.

Лёша. Да пофиг мне.

Вера. В моей памяти есть.

Лёша. Я тогда не жил. Я сейчас хочу жить. Нормально. *(Делает ещё один шаг к Вере)*.

Вера. Не подходи, здесь мины.

Лёша. Мы знаем о какой-то там войне только по фильмам и книжкам. Для меня она абстрактна. А эти потери понятны. Поэтому они страшнее. А вы сволочи. Вы две сволочи. Что вы наделали? Я нищий. Я из-за вас нищий. И ты теперь жалкая и нищая партизанка! Ты меня разорила, всё сожгла...

Вера. Не всё. У тебя есть страна, здоровье, я. Значит, у тебя есть будущее.

Лёша. Какое у нас может быть будущее, если не будет одежды, денег, работы?

Вера. Потерять всё это так страшно?

Лёша. Страшно. *(Делает ещё один шаг к Вере)*.

Вера. Неужели это страшнее войны? Не подходи. Что может быть всего этого страшнее? Ответь. Для меня это важно. Очень важно. Не подходи! Здесь мины! Что для тебя сегодня может быть очень страшным? Что? Что ты не сможешь пережить?

Лёша. Твою измену. *(Делает ещё один шаг к Вере)*.

Вера. Неожиданно. Я это запомню. Не подходи. Здесь мины.

Лёша. Ё! Ё! Ё! Нет мин! Мин нет! Мин нет!

Вера. Есть. Есть. Есть.

Лёша. Еще раз скажешь «есть», и я... я пукну. Вот.

Катя. Ве-э-э-э-э! А еще интеллигентный человек.

Лёша. На войне все равны. А интеллигенция здесь присутствующая забыла про свою интеллигентность. И вообще, Катя, пошла вон отсель до пана-полицая.

Катя. И пойду. Ты мне... противен. *(Вере)*. Муж твой садист. Еще тот садист. Ой, садюга! Какая садюга! Разорался тут из-за своего Гуччи. Фашист. Домашний гауляйтер, штурмбан-бан-фюрер, блин... Нет деспотизму!

Лёша. Давай, партизанка, топай в свою землянку.

Катя. Взорвать бы тебя!

Лёша. Сама не подорвись!

Катя. Афидерзейн, майн либэ! Передай Гитлеру от меня глубокий оральный привет! (*Уходит*).

Лёша. Ё! Ё! Ё! Ё! Ё!

Вера. Хочешь? Я нарисую тебе рубашку от Диора. Какого цвета?

Лёша. Ё! Ё! Ё!

Вера (*рисует пальцем на оконном стекле*). Вот тебе белая, две сиреневые, твои любимые, еще голубая. А вот последний костюм от Дольче Габбана. У тебя такого не было. Лучше два. Ты любишь в ресторан темно синий. Смотри вот галстуки. Вот в полосочку, вот с узорами. А вот клубные под твою сиреневую рубашку. Сейчас плащ и зонт трость, если пасмурно будет. Туфли. Итальянские, конечно, бренды. Черные. Еще одни. Теперь коричневые. Темно серые. Пусть будут лаковые. Так празднично. А вот длинный зеркальный шкаф. Он полностью забит вещами, только твоими вещами, какие ты хочешь...

Лёша (*обнимая Веру*). Вера... Вера... Верочка...

Вера. Что?

Лёша. Я устал. Я так от всего устал, что сегодня в офисе впервые в жизни написал стихи.

Вера. Хорошие?

Лёша. Плохие.

Вера. Про что?

Лёша. Про всех.

Вера. Прочти.

Лёша. Смеяться не будешь?

Вера. Не смешно.

Лёша. Действительно, не смешно.

Вера. Тогда читай.

Лёша. В новостях сообщили:
На фондовой бирже обвалилась любовь,
Падает курс нежности,
Циркулирует со скидкой кровь,
Народ в панике в банках
Закрывает по вкладам чувства,
На прилавках тел, на кассах души
Круглосуточно пусто.

Лёша пытается поцеловать Веру, но она отстраняется.

Мы вычитываем из зарплаты взаимность,
Отрезаем у страсти караты
И сдаём раз в год в налоговую сердечные утраты.

Ё! Ё! Ё!

Вот так и живём мы в нашем Отечестве
С мужским ощущеньем месячных.

Вера уходит. Лёша поворачивается к окну и смотрит на вечерний город.

Сцена 13

Эта же апрельская ночь. Злая и обреченная на подвиг Катя быстро идет по бульвару, на лавочках которого «культурно отдыхает» местная молодежь. Чудом не разбитые фонари освещают только лицо Кати.

Голоса. Девушка, девушка, куда шпаришь? Герла, не виляй задом так быстро! Замедли ход! Куда разбежалась?

Катя. На подвиг.

Голоса. Какой такой подвиг? Еще успеешь! Отдохни с нами, чикса. Выпей за праздник – Первомай.

Катя. А ты достоин этого праздника?

Голоса. Еще как достоин! Вылупи очи, я же рабочий! Поцелуй трудящихся!

Катя. Больше ничего не надо?

Голоса. Можно и больше. А попка у тебя ничего.

Катя. Это попка в танках горела, пока ты, гопник, в подъездах гадил, лампочки бил, на стенках гвоздиком свой крючок царापал.

Голоса. Ого. Заговорила. Ротик рабочий. Может тебе гвоздиком между ножек нацарапать? Или ножик к горлу, чтобы не княвала?

Катя. Да я вас, гопота, и ночью не боюсь.

Голоса. «Ой, как хочется черную смелую женщину в день Победы!».

Катя. Ты еще доживи до победы.

Голоса. Опупеть! Храбрая ты наша, мы тебя не отпустим, пока с нами не посидишь. А то нам без тебя скучно.

Катя. Ах, скучно вам. Нечем заняться? Все пьете, ноете, воняете, заливаете свою ничтожность?

Голоса. Эта коза начинает меня раздражать. Она, наверное, не понимает...

Катя (*со страхом*). Это вы не понимаете... не хотите замечать... ваши дни жалко... жалко и бездарно сжимаются в пружину... пружину... давя на вас беспросветной серостью... Неужели вам неясно... неясно, что пружина... пружина может... может резко разжаться и выбросить вас в полную убогость?

Голоса. Хрень какая. Поэзия! Кто-нибудь понял эту Крупскую? А кто такая Крупская? Ты что? Жена Крупского. А! Ясно. Может, ее по кругу пустим?

Катя. Да! Замечательная мысль, животное. Сейчас зажжем с вами ночь! Кто первый?

Голоса. Так она сексуально озабоченная. Наш человек!

Катя. Ваш! Ваш! Только перед сексом выпить хочется.

Голоса. Угощайся. Тебе водки? Пива? Или чарлика?

Катя. У меня свое есть. Офигительный коктейльчик. Всё свое ношу с собой. (*Достаёт из сумки бутылки с зажигательной смесью*).

Голоса. Хозяйственная тварь.

Катя. Два глотка для рывка. И курить сильно хочется.

Голоса. Кури бамбук.

Катя. Не дерзи. Лучше угости сигареточкой, у тебя трусы в клеточку.

Голоса. Оборжаться! Клёвая бабёнка попалась!

Катя. А то! Всё лучшее впереди! Где моя зажигалка? (*Вынимает из кармана зажигалку*). Ну что? Вот и всё... Гопота! Вы звери, гопота! С наступающим! Бабах!!!

Голоса. Бубух!!!

От взрыва фонари уже не уцелели.

Сцена 14

Вера в зоопарке сидит на лавочке и смотрит на вольеры. К ней присаживается женщина продавец, она же скупщица ювелирных изделий и проститутка неудачница.

Вера. А вы уже в зоопарке орудуете?

Женщина. Приходится. Я за маму работаю. Она в больнице лежит, вот я и подменяю её. А вы с какими целями?

Вера. Тоже работаю.

Женщина. Тоже кого-то заменяете?

Вера. Да, одну партизанку на особом задании. Вы ее видели со мной в магазине. Сейчас она ранена.

Женщина. Интересно.

Вера. Очень. Как вы думаете? Эти животные в клетках понимают, что они пленники?

Женщина. А что? Животным хорошо. Живут себе, лежат себе...

Вера. А может это еврейское гетто? Им хорошо было там жить себе, лежать себе? Вдруг этому журавлю страшно. Он думает, где его дети. А эта лиса? Ее разлучили с супругом. Он в одном концлагере, она в этом. Эта лама с ужасом думает: сегодня ее сожгут или завтра, отняв ее хвост, мех, золотые зубы. А как умрет страус? От газа или от голода? А успеют ли освободить зубров союзники в последний момент перед казнью?

Женщина. Бррррр. Как тут мама работает? Бррррр. Вы мне настроение испортили.

Вера. Может, поможем им сбежать?

Женщина. Моей маме это не понравится.

Вера. А вам не страшно, если начнется война?

Женщина. Нисколечко. И не начнется.

Вера. А что может быть страшно?

Женщина. Ну... страшно, если снизят еще больше зарплату, отправят в неоплачиваемый отпуск, сократят на работе... Или если я не выйду замуж... Или если моя мама умрет... Это страшно.

Вера. Понятно. А для вас что-нибудь значит День Победы?

Женщина. Это праздник для всех. Да! Это праздник для всех. А лично для меня? Я же в магазине работаю. У нас это обычный рабочий день, уменьшенный на час. Салют, конечно, хорошо, но с каждым годом он для меня все менее красивый. Не радуется так, как в детстве. Да и на нем нет ни одного ветерана. Только пьяная молодежь на салют тянется, потом они дерутся, гадят у нас во дворе, бутылки разбивают. Утром идешь на работу, а кругом стекло и аммиак. Вот тебе и День Победы.

Вера (сама с собой). Вера, как можно играть партизанку, если ты этого до конца не чувствуешь? Как можно праздновать День Победы, не пережив этого счастья? Как ощутить всей кожей, нутром, телом, каждым органом, что произошло тогда? Вера, как ты можешь сыграть и победить, если твой любимый человек не чувствует твои проблемы? Зачем? Зачем? Зачем?

Женщина. Вам плохо?

Вера. Нет, все в порядке. Мысли вслух. Не бойтесь, я не сумасшедшая. Я актриса, и у меня завтра премьера. Я играю партизанку.

Женщина. А! Так бы сразу и сказали. Ну вы и даёте. Ох, эти актрисы – женщины.

Вера (достаёт из сумочки билет). Вот вам пригласительный на спектакль. Муж не хочет смотреть. Так хоть вы меня поддержите.

Женщина. Хорошо. *(Забирает приглашение).* А тяжело играть партизанку?

Вера. Тяжело.

Женщина. Ну, кроме ваших фантазий, как это тяжело?

Вера. И физически тоже тяжело.

Женщина. Не понимаю. Я в магазине на ногах целый день. Позвоночник сильно болит. Это тяжело. Потом подрабатываю. Ноги не держат. Это тяжело. За мамой ухаживаю и здесь за нее работаю. Вот это тяжело. А что тяжелого в том, что вы играете партизанку?

Вера. Как вам объяснить? Как же вам все это объяснить? Ох-хо-хох. Вы прокладками пользуетесь?

Женщина. Конечно.

Вера. А без них могли бы?

Женщина. Ну что вы говорите!

Вера. А я могу. Потому что в сороковых годах их не было. Вот и я прокладками два месяца не пользуюсь. Тяжело?

Женщина. Ой, да, это очень тяжело. Погодите! А если... это самое?

Вера. А если это самое, значит, меня ранили.

Женщина. Ужас!

Вера. Да я пошутила!

Женщина. Слава богу! Слава богу! Но теперь я точно поняла, что играть партизанку - это тяжело.

Вера (*снимая с руки кольцо*). Возьмите.

Женщина. Оно же обручальное.

Вера. Ну и что?

Женщина. Сколько хотите?

Вера. Ничего. Продайте его и на все деньги купите этим животным из гетто кошерные фрукты, овощи, витамины. Пусть они верят, что они кому-то нужны и что типа победа и освобождение близки.

Женщина. Они не дождутся свободы...

Вера. Они дождутся от вас хоть какого-то сопереживания и сочувствия. Сделайте.

Сцена 15

Майский вечер. Очень тепло. Наверное, к грозе. Лёша стоит у окна и смотрит на вечерний город. К нему сзади с верёвкой в руках подходит Вера и обнимает его.

Лёша. Какой замечательный сегодня вечер. Где-то гром гремит. Как будто бои идут. Поздравляю. Завтра у тебя, наконец, премьера.

Вера. Спасибо, зая.

Лёша. Как настроение?

Вера. Игривое.

Лёша. От слова «играть»? Завтра, в театре?

Вера. Не только. Хочется и сейчас поиграть.

Лёша. Ё! С чего бы это?

Вера. А вот гены бабушки взыграли.

Лёша. Ё! А веревка тебе зачем?

Вера. У нас у партизанок так принято. Расслабься. (*Пытается связать ему руки*).

Лёша. Нет, что ты! Я не по этим делам!

Вера. А придется. Всё! Я взяла тебя в плен.

Лёша. Новые подпольные игры?

Вера. Почему бы и нет? К стене! Опустит руки. Молодец. На стул. Пожалуйста, любимый. Сядь на стул. Какой ты у меня пугливый. Как оленёнок Бэмби.

Вера связывает руки Лёши и привязывает его к стулу.

Лёша. Дальше что?

Вера. Вот так хорошо. А теперь ты будешь военным вуайеристом. Это твой наблюдательный пункт. Следи внимательно, как подписывают капитуляцию твои страхи.

Лёша. Вера, что происходит?

Вера. Ты всё сам увидишь.

Вера открывает входную дверь и впускает инструктора по фитнесу.

Инструктор. Я вовремя?

Вера. Ты всегда вовремя. Я так соскучилась по твоему гривуазному голосу с оттенком мягкой весны...

Инструктор. Класс, блин.

Лёша. Кто это такой?

Вера. Как мне нравится, малыш, твоя пошловатая мордочка с глазами цвета нежной карамели...

Инструктор. Правда, блин?

Вера. Нет. Они цвета крыльев майского жука.

Лёша. Кто это?

Вера. Не надо обращать на него внимание, красавчик. Он нам платит за сеанс нашего эксгибиционизма.

Лёша. Чего?

Вера. Давай! Войди в меня, мой жеребец. *(Расстегивает ему ширинку).*

Инструктор. Супер.

Лёша. Вера, перестань! Развяжи меня!

Вера и инструктор начинают заниматься сексом.

Вера. Да... Вот так... Хорошо... Целуй мою грудь. Какой ты спортивный, мачо, мускулистый...

Лёша. Вера, так нельзя. Развяжите меня! Это жестоко, Вера!

Вера. Продолжай...

Лёша. Это запрещенный прием. Так нельзя!

Вера. Да! Вот так! Быстрее, быстрее...

Лёша. Ты не такая. Не такая, Вера! Хоть каплю сострадания...

Инструктор. Он плачет.

Вера. Не отвлекайся. У него аллергия. Он весной плачет всегда.

Инструктор. Он в натуре плачет, блин.

Вера. Не принял таблетку. У него приступ.

Лёша. Нет! Это не аллергия! Это не цветы! Это не весна!

Вера. Ой, как хорошо!.. А что это тогда? Что?

Лёша. Это... Это... апокалипсис... Это ад... я в аду. Я на войне...

Вера. Тебе страшно?

Лёша. Хватит! Хватит! Перестаньте! Я не могу на это смотреть. Это мерзко!

Вера. Не останавливайся. Вот так! Да. Тебе страшно?

Лёша. Это кошмар! Война – это смерть. Смерть. Перестаньте! Я же живой человек. Живой. Я же люблю тебя. Это же не театр! Я не могу этого выдержать. Не могу! Это страшно. Я не хочу войны! Я живой человек! Я живой...живой...живой... человек...

Лёша теряет сознание. Вера и инструктор останавливаются.

Инструктор. Блин, он в обмороке

Вера. Он тяжело ранен. Надо перенести его в постель.

Вера и инструктор переносят Лёшу в постель.

Инструктор. С меня хватит.

Вера. Хватит, хватит. Деньги на трюмо.

Инструктор. Да ну тебя в баню с твоими деньгами. У меня из-за тебя нервы, блин, ни к черту. Война снится. Партизанки всякие...

Вера. Это серьезно.

Инструктор. Я воюю всю ночь, а потом в диком ужасе просыпаюсь от каждого шума, от автосигнализации, от шепота за форточкой... Пора к психотерапевту. И зачем я тебе во второй раз поверил? Чудовище. Не звони мне больше.

Вера. Больше мне не надо. Вали! Слабак!

Инструктор застёгивает ширинку и, шатаясь, уходит из комнаты. Вера, как сестра милосердия, садится у изголовья мужа.

Лёша. Пить... Пить...

Вера *(глядя волосы Лёши).* Терпи, милый, тебе нельзя пить.

Лёша. Воды... Пить хочу... Мне больно...

Вера. Тебя ранили. Тише, тише, любимый. Терпи, Лёша, терпи.

Лёша. Как мне плохо...

Вера. Тебя ранило в боях, я вынесла тебя с поля, тебе ампутировали все ненужные чувства... тебе станет легче...

Лёша. Меня как будто связали...

Вера плачет.

Вера. Ты бредишь. Это нормально.

Лёша. Как тяжело... как тяжело быть хорошим...

Вера. Это бред. Все будет в порядке. Мы живем. Мы будем жить.

Вера целует Лёшу.

Сцена 16

Женская гримуборная. Катя с перебинтованными руками неуклюже ест сушки, запивая шампанским. Стук в дверь. Входит женщина – продавец-скупщица и так далее.

Женщина. Здравствуйте. С премьерой! Вы меня узнали?

Катя. Ах да... Здравсьте, здасьте.

Женщина. Вы меня извините за тот... наезд. Я тогда еще не знала, что вы – актриса партизанка.

Катя. Ничего, ничего. Я и сама тогда не знала, что стану хорошей актрисой партизанкой.

Женщина. Да. Это было прекрасно. Вы так играли.

Катя. Да! Я так играла! Зрители почти выли от восторга. Мне аплодировали, аплодировали... Я никогда так не сыграю.

Женщина. Сыграете, еще как сыграете. Я только не поняла, с руками вашими что?

Катя. Обожглась недавно, фонари гасила. И прямо перед премьерой. Но мне это помогло лучше вжиться в роль. На перевязки теперь хожу.

Женщина. Наверное, это больно и некрасиво для вас?

Катя. Зато в меня влюбился доктор. И мне это нравится. Все эти дни он вызывает у меня улыбку. Я счастлива при каждой перевязке.

Женщина. Здорово. И я счастлива. У меня мама идет на поправку. После праздника выпишут.

Катя. Да, завтра День Победы.

Женщина. С праздником.

Катя. Спасибо. И вас.

Женщина. А вторая партизанка где?

Катя. Вера? Уже ушла. Гениально сыграла, меня поздравила, забрала цветы и ушла. И даже на банкет не осталась. И я не пойду.

Женщина. Да, одной не надо.

Катя. Ну не совсем одной. Зато такая тайна. Все будут думать, где мы, где мы? А мы вот такие. Загадочные партизанки. Пусть теперь Котиковы знают, кто в землянке хозяин.

Женщина. Правильно. Не знаю о чем вы, но всё правильно.

Катя. Давайте шампанского за премьеру!

Катя угощает женщину шампанским. Пьют. Катя грызёт сушку.

Женщина. Вам удобно сушки есть? Может помочь?

Катя. Да, я уже привыкла. Угощайтесь.

Женщина. Да, неловко как-то. Я же в магазине работаю.

Катя. Ничего. Они вкусные.

Женщина. Спасибо. Я сегодня даже не пообедала. Замоталась я на разных работах. А ещё этот ваш театр. Всё такая суета! А если завтра война? Куда тогда всё мое приданое? Эх... Никогда не думала, что сушки такие вкусные. Возьмите за это брошку. Она золотая.

Катя. Что вы? Не надо. Кушайте так. Это же всего лишь сушка!

Женщина. Так и это всего лишь брошка! Подумаешь, золотая.

Катя. Хорошо.

Женщина. Давайте помогу.

Женщина вешает на грудь Кати брошку как медаль.

Женщина. Вам идёт.

Катя. Служу Сове... Ой, не переиграешь – не сыграешь.

Женщина. Это точно. Жалко, что Вера ушла. Так хотела её поздравить. Она такая молодец. Она своей игрой мне столько дала... столько дала позитива...

Катя. Всё-таки пойду на банкет. Я думаю, они полчаса помучались, и хватит интриг. Надо быть в центре внимания. Режиссёры не должны забывать о своих музах. Вдруг к отпуску премию дадут. Ну что? Ещё шампусика и на выход?

Женщина. Да, за театр!

Поднимают бокалы.

Сцена 17

Майская ночь, унылая постель. В квартире много цветов после премьеры. Вера сидит на кровати. Входит Лёша с маленьким пакетиком в руках.

Лёша. Брать тут нечего. Ничего не осталось моего. Только бритва, зубная щётка...

Вера. А я?

Лёша. Ты думаешь, я переживу новую премьеру?

Вера. А ты думаешь, новая будет?

Лёша. Ты так плохо вчера сыграла?

Вера. А разве по цветам не видно?

Лёша. А что решил главный режиссёр?

Вера. А что у меня нет мужчины главнее режиссёра?

Лёша. А разве он тебе важен?

Вера. А я тебе уже не важна?

Лёша. Ты снова играешь?

Вера. А ты не можешь отличить, когда я играю, когда нет?

Лёша. А зачем мне нужно это отличать?

Вера. А вдруг пригодится?

Лёша. Для каких целей?

Вера. А разве жизнь наша уже закончилась?

Лёша. А какое у неё может быть продолжение?

Вера. А какое хочешь ты?

Лёша. А ты не видишь, что я ничего уже не хочу?

Вера. А ты не чувствуешь, что я ещё хочу?

Лёша. А что ты можешь предложить мне кроме своего театра?

Вера. А ты можешь поверить мне, что я ушла из театра?

Лёша. Это кто же уходит после успеха?

Вера. А когда же ещё уходить, как не после триумфа?

Лёша. И что ты будешь делать без него?

Вера. А тебе нечем заполнить меня?

Лёша. А ты теперь готова?

Вера. А ты не заметил, что война закончилась?

Лёша. И чем она закончилась?

Вера. Мы победили, не так ли?

Лёша. Мы всё-таки победили? Ё. Ё. Ё.

Вера. Ё. Ё.

Лёша. Ё. Ё. Ё.

Лёша садится рядом с Верой. Они несмело обнимаются, неловко целуются, как в первый раз. За окном гремит салют. Лёша вздрагивает.

Вера. Тише, не бойся. Это праздничный салют. Это День Победы.

Лёша ложится на кровать, уткнувшись головой в колени жены и целуя её платье.

Вера. Ложись, солнышко. Теперь можно спать спокойно, Лёша. Мой любимый Лёша. Можно спать долго и крепко. И храпеть. Теперь можно храпеть громко. Я доказала. Мы дожили. Спи, солнышко мое. Теперь я докажу, что я гениальная жена. Спи, дорогой. Я колыбельную тебе спою, которую буду петь нашим деткам. У нас в следующем году обязательно появятся детки. Спи, мой любимый.

Белый аист летит,
Над белёсым полесьем летит.
Белорусский мотив
В песне вересков, в песне раки.

Лёша. Ё. Ё.

Вера. Спи, спи.

Всё земля приняла:
И заботу, и ласку, и пламя.
Полыхал над землёй
Небосвод, как багровое знамя.
Молодость моя, Белоруссия.
Песня партизан, сосны да туман...
Песня партизан, алая заря...
Молодость моя, Белоруссия...

Занавес.